

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

С.А. Долматова

**КРИЗИС СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА:
ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Москва – 2017

Долматова С.А. Кризис социального государства: политэкономический аспект: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. – 51 с.

ISBN 978-5-9940-0598-9

Аннотация. В докладе на основе политэкономического подхода к анализу социального государства (государства всеобщего благосостояния) в западных странах делаются акценты на ключевых характеристиках процесса его деформации, показываются причины нереализованности основных принципов социального государства в постсоветский период, а также актуализируется вопрос его императива в современной России.

Ключевые слова: социальное государство, кризис, глобализация, неолиберальная доктрина.

Классификация JEL: A12, H40, I00, J08.

Dolmatova S.A. Crisis Welfare State: Political Economy Approach

Abstract. The report on the basis of political economy approach to the analysis of the social state (welfare state) in western countries, focuses on the key characteristics of the process of deformation, showing the causes of non-realization of basic principles of the welfare state in the post-Soviet period, as well as updated its imperative question in modern Russia.

Keywords: welfare state, crisis, globalization, neo-liberal doctrine.

JEL Classification: A12, H40, I00, J08.

© Долматова С.А., 2017

© Институт экономики РАН, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Теоретические подходы к анализу проблем социального государства.....	10
Глава II. Специфика кризиса социального государства	16
Глава III. Императив социального государства	33
Заключение.....	46
Литература.....	49

Введение

Теория и практика социального государства стали объектом пристального внимания российских исследователей с конца 80-х годов, когда возрос интерес к поиску позитивных вариантов социального развития как альтернативы так называемому реальному социализму. Обществу была предъявлена в качестве такой альтернативы европейская модель социального государства, или государства всеобщего благосостояния, в частности шведская модель, которая обеспечивает высокие стандарты уровня жизни, предоставляет значительные социальные гарантии при сочетании принципов социальной справедливости и экономической эффективности рынка. Шведская модель как образец социального государства рассматривалась неслучайно. Эспинг-Андерсен подчеркнул, что «большинство размышлений по поводу государств всеобщего благоденствия в высшей степени шведоцентричны – всякое государство всеобщего благоденствия оценивается с точки зрения того, насколько оно отклонилось от шведской практики»¹.

Однако когда в перестроечный период был сформирован устойчивый интерес к так называемому шведскому социализму, шведская модель, как и другие варианты социального государства на Западе, уже претерпела существенные модификации и отклонилась от идеального состояния. Первые признаки деформации данной модели начали проявляться вследствие экономического кризиса середины 1970-х годов, когда началась мощная волна критики кейнсианской экономической политики, в немалой степени сформировавшей социальное государство в период его наивысшего подъема. Отказ от кейнсианской парадигмы как основы экономической идеологии в большинстве стран Запада и последовавший за ним так называемый неоклассический ренессанс определили социально-экономическое развитие на несколько десятилетий вперед, дали толчок процессу неолиберальной глобализации.

---

¹ Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. № 2. Т. 6. 2008. С. 246.

В то же время необходимо учитывать, что феномен социального государства в известной мере явился ответом западного мира на вызовы советской системы, которая при недостаточных потребительских стандартах в обеспечении населения, тем не менее, продемонстрировала значительные успехи в экономике и социальной сфере. Фактически соревнование или, в иной трактовке, конкуренция двух систем, поставила западную элиту перед необходимостью пойти на социальный компромисс с большей частью населения, дабы избежать революционных потрясений. Весомую роль в становлении социального государства сыграла борьба трудящихся за свои права, деятельность профсоюзов и других общественных организаций, активизация гражданского общества в целом.

Следует отметить также объективные факторы в виде послевоенного восстановления европейской экономики, а также стремительного экономического развития США и Канады, не пострадавших от войны. Научно-технический прогресс стимулировал приток на рынок труда высококвалифицированной рабочей силы, претендующей на соответствующую оплату труда. Оказался востребованным человеческий потенциал, необходимый для функционирования экономики знаний и внедрения передовых технологий, сформировался мощный средний класс как опора социального государства. Если в межвоенный период XX в. к среднему классу относили мелких и средних буржуа², то в социально-классовой структуре западных стран после Второй мировой войны наличие так называемого нового среднего класса стало связываться с широким кругом специалистов с относительно высоким уровнем доходов.

В результате действия совокупности этих и других факторов произошла консолидация социализированного капитализма на новом качественном уровне. Оказалось, что преобразованный капитализм может иметь человеческое лицо и отличаться от своего классического образца эпохи свободной

---

² См., например: Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991 г. С. 177 («В народохозяйственном процессе участвуют средние классы, с принадлежащими им сотнями тысяч малых и средних предприятий»).

конкуренции снижением накала классовой борьбы, поляризации общества и других проявлений социальной конфронтации. Однако в 70-е годы XX в. не только осуществилась смена экономической модели под влиянием экономического кризиса, но и изменились внешнеполитические условия. В период продолжающейся холодной войны на смену обострению конфликтов пришла политика разрядки напряженности. СССР перестал представляться в виде неминуемой угрозы для Запада, в определенной степени идеологическое давление ослабло, что не могло не повлиять на умонастроения политической элиты Запада. Кроме того, после чехословацких событий 1968 г. наступило определенное охлаждение в отношении Советского Союза со стороны западных левых, и привлекательность советской модели для западной общественности заметно ослабла, что создало необходимый фон для ревизии социально-экономической политики послевоенного периода так называемого славного тридцатилетия на Западе.

Кризис середины 1970-х годов, произошедший из-за внешних шоков, который социальное государство не смогло предотвратить, вызвал волну резкой критики сторонников свободного рынка, обвинявших излишнее государственное администрирование в сбое самонастраивающейся рыночной системы, за чрезмерное внедрение в экономику нерыночных элементов, пассивность населения, а также снижение трудовой мотивации и отвлечение средств из экономики на социальные нужды. Как отметил Р.С. Гринберг: «Инфляционные всплески в сочетании с застоем хозяйственной активности в странах зрелых рыночных экономик в середине 1970-х чуть ли не целиком стали приписывать кейнсианским рецептам управления экономикой и будто бы всегда потакающему иждивенческим инстинктам социальному государству»³. Повторившийся менее чем через десять лет экономический кризис начала 80-х годов XX в. способствовал распространению монетаристских рецептов выхода из рецессии за счет урезания социальных расходов при со-

---

³ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость должны не исключать, а дополнять друг друга / Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А.В. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М.И. Воейкова. М., 2014. С. 38.

кращении налогов на бизнес, что не могло не сказаться на изменении приоритетов общественного развития. Рейганомика, тетчеризм и другие менее радикальные варианты редукции государства всеобщего благосостояния оказали определяющее влияние на весь комплекс экономических отношений в западных странах, привели к смене тренда социализации экономики на долгие годы.

Что касается кризиса советской модели конца 80-х годов XX в., то он осложнился внешним идеологическим давлением набравших политический вес сторонников безоговорочной власти свободного рынка. Если допустить, что перестроечное сближение с Западом происходило бы в период идеологического господства кейнсианцев, возможно, предписанные нашей стране рецепты перехода к рынку не отличались бы чрезмерным радикализмом. При этом был бы реализован тот или иной вариант конвергенции реального социализма и социального капитализма. Более того, крах СССР способствовал еще и усилению позиций неолиберальной идеологии, определившей направление и содержание процесса глобализации. Начало процесса глобализации, совпавшее по времени с началом рыночных преобразований, поставило постсоветскую Россию в жесткие рамки неолиберальной доктрины, условия которой были безоговорочно приняты российским руководством, несмотря на угрозу потери суверенитета, сырьевой специализации в мировой экономике и закрепления периферийного статуса.

Однако было бы неправомерным полагать, что в выигрыше от ослабления современной России и глобализации оказался весь западный мир. Бенефициарами данных процессов стали финансовые круги и ТНК, в то время как широкие слои населения испытали в той или иной степени проблемы, связанные с урезанием возможностей государства всеобщего благосостояния, несмотря на относительно благополучное развитие последующего двадцатилетия, прервавшегося экономическим кризисом 2008–2009 гг. Новый виток дискуссий о кризисе социального государства или государства всеобщего благосостояния получил развитие в связи с непрекращающимся массовым

наплывом мигрантов из зоны бедствия мусульманского мира в «благополучную» Европу, ослабленную как глобальным финансово-экономическим кризисом 2008–2009 гг., так и южноевропейским долговым кризисом 2011–2012 гг., последствия которого еще не преодолены до сих пор.

Многие аналитики озабочены ростом протестных настроений в связи с наплывом дешевой рабочей силы, претендующей не только на рабочие места, но и на весь комплекс социальной помощи и инфраструктуры принимающих стран. В то же время не стоит абсолютизировать последствия кризиса социального государства в западных странах, хотя ныне живущее поколение имеет худшие условия для реализации, чем в свое время у родителей, – социальные завоевания на достаточно высоком уровне, тем не менее, сохраняются. Это особенно заметно в сопоставлении с российской ситуацией. По прошествии довольно значительного периода рыночного реформирования в современной России стало очевидно, что общественные ожидания построения социального государства не оправдались. Результаты системной трансформации 90-х годов XX в., которые сопровождались невосполнимыми социальными потерями, явно не соответствовали заявленным целям перехода к демократическому обществу. Более того, за последующие годы положение не исправилось. Стремление к лучшему качеству жизни в условиях рынка реализовалось далеко не у всех, создание рыночных институтов и инфраструктуры, получивших бурное развитие в нашей стране, не привело автоматически к адекватному развитию институтов гражданского общества и формированию массового среднего класса. Резкое социальное расслоение с преобладанием широкомасштабной бедности при отсутствии механизмов действенной социальной защиты, разрушение каналов социальной солидарности при нарастании процессов социальной сегментации стало серьезной проблемой социально-экономического развития.

В российском научном сообществе фактически сложился консенсус относительно декларативности конституционного положения о том, что Российская Федерация является социальным государством. В то же время оцен-

ки причин нереализованности статьи 7 основного закона РФ разнятся. Ряд исследователей полагает, что остаточное влияние советской модели препятствует внедрению принципов социального государства западного типа. Распространена точка зрения конечности государства всеобщего благосостояния в связи с его кризисом на Западе и глобализацией. В то же время все больше набирает оборот критический настрой относительно асоциального характера рыночного реформирования в постсоветской России в соответствии с неolibеральной доктриной, которая в принципе находится в противоречии с идеей социального государства.

В данном исследовании, не претендующем на охват заявленной темы во всей ее полноте в силу ее обширности, делаются акценты на ключевых характеристиках процесса деформации социального государства (государства всеобщего благосостояния) в западных странах и причинах нереализованности его основных принципов в современной России, а также актуализируется вопрос императива социального государства.

Глава I. Теоретические подходы к анализу проблем социального государства

Анализ теории и практики социального государства предполагает междисциплинарность в качестве основного принципа рассмотрения всего комплекса сопряженной с данным предметом социальной проблематики, в том числе и непосредственно социальной политики. Однако без рассмотрения экономических аспектов понять природу и причины кризисных явлений не представляется возможным. В то же время в междисциплинарном исследовании должен быть стержневой подход, позволяющий делать акценты под определенным углом зрения. В данной связи для адекватного выявления специфики кризиса социального государства политэкономический подход наиболее предпочтителен в связи с его системным характером.

К началу 90-х годов в российской науке уже сформировался определенный багаж знаний по теории и практике социального государства. В то же время примечательно, что нет однозначного всеми принимаемого определения «социальное государство», или «государство благосостояния». Популяризация данного термина, широкое употребление в СМИ, излишняя публицистичность привели к множественности его толкования, в том числе и в научной литературе, где при упоминании социального государства речь идет преимущественно о социальной политике. В данной связи видение тождественности социальной политики социальному государству затрудняет выделение его предметности.

««Социальное государство» (оно же «государство благосостояния»), о котором существует огромная литература, часто предстает перед исследователем (а тем более практиком), ищущем строгой определенности, неким фантомом, по сравнению с которым даже «зрелый социализм» или «цивилизованное государство» кажутся реально осязаемыми. Фантомную зыбкость «социальному государству» придает и то обстоятельство, что его частные детали (социальные функции, институты и т. п.) вполне зримы, но попытки ма-

териализовать из них нечто универсально смысловое до сих пор оказывались малорезультативными»⁴. Фантомную зыбкость определения (в удачной формулировке В.Н. Лексина) российским исследователям преодолеть достаточно сложно, прежде всего в силу нереализованности на практике принципов социального государства в постсоветской России.

В данной связи логичнее было бы обратиться к современным западным исследователям для уточнения необходимой терминологии. Но и здесь подстерегают сложности. В частности, В.Н. Лексин обратил внимание на терминологические изыскания Дж. Вейт-Уилсона, который заострил вопрос: «Возможно ли корректно оценивать реалии государства благосостояния, если некорректно само понятие?»⁵ Тем не менее, даже если понятие не совсем корректно, а реалии государства благосостояния демонстрируют высокий качественный уровень, это предпочтительнее, чем обратная комбинация, важнее содержательное наполнение теоретической конструкции. В то же время Дж. Вейт-Уилсон, подчеркивает, что при широком употреблении понятие «государство благосостояния» используется как синоним современного индустриального государства⁶. И это неслучайно.

Например, К. Пирсон показывает, что с 70-х годов XX в. после выхода работы Г. Виленского «Государство благосостояния и равенство»⁷ сформировалась устойчивая традиция соотнесения индустриализации и становления социального государства, поскольку при разрушении традиционного общества на смену сложившимся отношениям взаимопомощи и поддержки приходит система социальной защиты. В то же время он отмечает, что «более поздние сравнительные исследования показали, что нет прямой связи между

---

⁴ Лексин В.Н. «Социальное государство»: фантом и реальность // Россия: путь к социальному государству. М.: Научный эксперт. 2008. С. 217–218.

⁵ Там же.

⁶ Veit-Wilson J. States of Welfare: A Conceptual Challenge. *Social Policy & Administration*. 2000. Vol. 34, No. 1. P. 3.

⁷ Wilensky H. *The Welfare State and Equality*. – Berkeley: University of California Press, 1975.

уровнем или продолжительностью индустриализации и степенью развития социального государства»⁸.

Тем не менее, необходимо выявить качественные основания для выделения особой стадии развития общественных отношений, получивших название «социальное государство». Истинный смысл обнаруживается, если использовать очень емкий термин «капитализм», как это делает Г. Эспинг-Андерсен: «Для теоретиков модернизации “индустриализм” был своего рода константой в становлении, концентрации мощных конвергентных сил урбанизированного, индустриального общества. Так же, как “капитализм всеобщего благосостояния”... все это – лейтмотивы, а не потенциально вариабельные концепты». И далее парадоксальное утверждение: «Лейтмотив заменяет теорию»⁹.

Но в таком контексте «капитализм всеобщего благосостояния» – это вариация на тему классического капитализма, его подправленная, облагороженная версия. Если при индустриализации произошло разрушение всех основ традиционного общества, то социальное государство основы капитализма не разрушает, а только видоизменяет, ставит в определенные рамки. «Многие страны были свидетелями укрепления представительной демократии и становления государства всеобщего благосостояния. Тем не менее, большинство ключевых институтов индустриального капитализма – семья, бюрократия, организация труда или фундаментальные социальные и классовые различия – сохраняли свои базовые характеристики на протяжении многих десятилетий»¹⁰.

В данном случае отнесение к капитализму размышлений Г. Эспинг-Андерсена имеет особое значение. Классик социологии, к работам которого обращается почти каждый исследователь социального государства, использующий его типологию, подразделяющую государства на три вида: либе-

---

⁸ Пирсон К. Страны поздней индустриализации и развитие государства всеобщего благосостояния. *Spero* № 12. Весна–Лето 2010. С. 55.

⁹ Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. Выпуск № 2. Т. 6. 2008. С. 246.

¹⁰ Там же. С. 248.

ральное, консервативное и социал-демократическое¹¹, – безусловно, оказал влияние на весь дискурс, однако не задал жестких терминологических рамок. Тем не менее, в данной связи для выявления специфики не так важна типология социального государства (государства всеобщего благосостояния) в силу унификации национальных режимов обеспечения благосостояния под воздействием глобализации и кризисных явлений, сколько вычленение общей основы.

Такой общей основой уже не может быть индустриальный капитализм, Эспинг-Андерсен отмечает усиление постиндустриальных тенденций, развитие сервисной экономики, разрушение ключевых институтов, изменение привычной картины мира. В то же время не стоит забывать, что индустриальная экономика стала основой социального государства в конкретно-исторических условиях послевоенного периода, так называемого славного тридцатилетия, когда кейнсианская экономическая политика по сути сформировала систему госрегулирования рыночных процессов, заложила основы социально-ориентированной смешанной экономики.

Несмотря на возникшие сложности, российские исследователи не оставляют попыток дать определение и выстроить теоретическое обоснование концепции социального государства, которая получила по сути второе дыхание в нашей стране. Как представляется, наиболее адекватно отражает данное понятие следующее определение: социальное государство – регулируемая социально-экономическая система, которая обеспечивает свое устойчивое развитие на длительную перспективу на основе сочетания рыночных отношений и принципа социальной справедливости.

Новая философская энциклопедия не осталась в стороне от рассмотрения концепции социального государства, которая определяет его как «особый тип современного высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономиче-

---

¹¹ *Esping-Andersen C. The Three Worlds of Welfare Capitalism / C. Esping-Andersen. Princeton : Princeton University Press, 1990.*

ской и других сфер жизнедеятельности общества, установлению в нем социальной справедливости и солидарности. Социальное государство знаменует высокий уровень сближения целей и гармонизацию отношений государственных институтов и общества»¹².

Здесь содержатся важные критерии, согласно которым наша страна не может быть отнесена к социальному государству. Это прежде всего социальная справедливость и солидарность, дефицит которых особенно остро воспринимается в постсоветской России. Пропаганда индивидуализма и сокращение возможностей для реализации отношений социальной солидарности при переходе к рынку неизбежно усложнили социальную адаптацию населения во время трансформационного процесса и подготовили почву для формирования капитализма в наиболее жестком варианте. Примечательно, что российское руководство, проводя радикальные преобразования, избегало прямого упоминания термина «капитализм», используя нейтральные формулировки. Причем сам идеолог и практик проведенных радикальных рыночных реформ начала 90-х г. XX века Е. Гайдар указывал на возможности различного способа вхождения России в глобальный капитализм в зависимости от проводимой политики¹³. Однако именно в результате политики команды Е. Гайдара был внедрен на российскую почву наиболее негативный вариант капитализма – монополистический капитализм олигархического типа.

В то же время постсоветскую Россию принято относить к странам с развивающимися рынками. Действительно, рынка в СССР не было, и рыночные институты и рыночная инфраструктура созданы с нуля, но что касается социальной сферы, науки, медицины, образования, культуры, Советский Союз не являлся отсталой страной. Другое дело, что вся система была нерыночной, и при переходе к рынку необходимо было выстраивать систему взаимодействия рыночных и нерыночных институтов, аналогично тому, как это функционировало в развитых странах, имеющих систему социального госу-

---

¹² Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. Т. 3 С. 611.

¹³ Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. С. 41.

дарства. Однако положение осложнялось тем, что институты социального государства, которые предстояло импортировать, уже подверглись модификациям и были далеки от идеального состояния. Как отметила И.А. Григорьева, «большинство исследователей все же едины в оценке 1990-х гг. как периода кризиса социальных государств и социальной политики, коснувшегося всех типов социально-экономических систем: социальных государств, постсоциалистических государств и модернизирующихся государств “третьего мира”»¹⁴.

Хотя существуют разные точки зрения по поводу периода начала данного кризиса, но к 90-м годам XX в. сложилась совокупность факторов, главным образом экономических, политических, идеологических, воздействующая негативным образом на систему социального государства (государства всеобщего благосостояния). Это и крах СССР, и усиление неолиберальной доктрины в качестве мейнстрима, и процесс глобализации, и повышение роли наднациональных институтов, и усиление позиций финансового капитала, и нарастание миграционных процессов, и экологические проблемы. Кроме того, постиндустриальные тенденции и демографический фактор не стоит сбрасывать со счетов. Этот список кардинальных изменений, определивших положение не только системы социальных государств, но и мира в целом, можно продолжить. Не случайно накануне переломных 90-х годов XX в. появляются эсхатологические работы типа «Конец истории» Ф. Фукуямы, которые по сути фиксируют окончание послевоенного периода развития, в котором кризис социального государства является частным случаем происходящих глобальных изменений биполярного мира.

---

¹⁴ Григорьева И.А. Развитие теоретических подходов к социальной политике в 1990–2000-х годах // *Общественные науки и современность*. 2012. № 3. С.147.

Глава II. Специфика кризиса социального государства

С середины 70-х годов с ослаблением позиций кейнсианцев идеологическое давление на модель социального государства перешло в практическую плоскость. Борьба за свободный рынок против дорогого государства, якобы поощряющего иждивенческие настроения и сдерживающего предпринимательскую инициативу, принесла свои плоды. В то же время европейская социальная модель, которую можно рассматривать, несмотря на сохраняющиеся национальные различия, как единую модель, благодаря интеграционной политике ЕС испытывает на себе воздействие американской модели, которая набирает вес благодаря доминированию США в глобальных наднациональных институтах, таких как МВФ, ВБ, и в мировой экономике в целом. Тем не менее, объемы финансирования социальной сферы в государствах Европы и в США заметно различаются. В Европе на эти цели выделяется в среднем до трети ВВП, тогда как в США – в два раза меньше¹⁵. Если сопоставление с американской моделью помогает лучше понять сущность европейской социальной модели, то сущность аналогичной модели в современной России может быть понята не только в контексте европейского опыта, но и советской социальной модели.

В нашей стране помимо традиций, культурных и цивилизационных ценностей в советский период был накоплен богатый опыт организации и функционирования социальной сферы, медицины, образования, науки. При трансформации советской системы, когда намечался переход к социально ориентированной рыночной экономике, можно было не отказываться от лучших достижений советского периода развития, а искать оптимальный механизм адаптации приемлемых механизмов и структур к изменившейся системе отношений. Однако внутренние проблемы построения социального государства в нашей стране при переходе к рынку сопровождались внешним

---

¹⁵ Каргалова М.В., Егорова Е.Н. Социальное измерение европейской интеграции. М.: Изд-во «Аксиом», 2010. С. 13.

негативным фоном, который заключался в том, что сама идея социального государства стала подвергаться дискредитации как чрезмерно обременительная для общества и тормозящая рост экономики в странах, где она зародилась и успешно реализовывалась в течение ряда десятилетий.

Приоритетом политики либерализации стали частный интерес, частная инициатива, и в конечном итоге частная собственность. Как отметил У. Бек: «Внутри себя социальное государство – чем более успешно оно развивалось, тем заметнее – наталкивалось на *сопротивление частных инвесторов* (выделено нами. – С.Д.), которые отвечают на рост прямых и побочных расходов по заработной плате уменьшением инвестиционной готовности или же рационализациями, которые интенсивно высвобождают рабочую силу»¹⁶. В то же время экономический кризис стал только поводом для нападок на социальное государство, которое якобы провоцирует рыночные диспропорции, и способствовал усилению позиций сторонников идеи свободного рынка, который, по их мнению, сам должен без каких бы то ни было ограничений обеспечить высокие темпы роста и автоматически придти к равновесию. Однако и при достижении общего рыночного равновесия регулирование социальных расходов остается прерогативой государства. Сокращение ВВП в кризис ведет автоматически к сокращению социальных расходов, если их доля в процентном отношении фиксирована. Тем не менее, в условиях кризиса, для обеспечения макроэкономической стабилизации секвестру по рекомендациям международных институтов, как правило, подвергаются в первую очередь именно социальные расходы, хотя, если исходить из приоритета социальной стабильности, наоборот, должен быть обеспечен их рост.

Проблемы регулирования рынка труда также неизменно остаются в центре внимания критиков социального государства, полагающих, что вмешательство в социально-трудовые процессы служит препятствием для выравнивания рыночных диспропорций. Даже лучшие социальные образцы в рамках ЕС сталкиваются с целым рядом социально-экономических противо-

---

¹⁶ Бек У. Указ соч. С. 287.

речий. Это и негибкость рынка труда, и нарушение баланса стоимости систем социальной защиты при необходимости обеспечения конкурентоспособности экономики. По словам К. Пирсона, произошло разрушение политического консенсуса экономики и государства благосостояния, характерного для послевоенного периода. Эти изменения оказались возможными благодаря изменениям настроений в общественном мнении, которое перешло от поддержки коллективных решений социальных проблем до предоставления рынку возможностей удовлетворения индивидуальных потребностей благосостояния. Эти изменения, в свою очередь, открыли путь для сокращения выплат социального обеспечения и реструктуризации обеспечения общественного благосостояния. Таким образом, Пирсон констатирует отход от универсалистской модели и переход к более облегченному ее варианту¹⁷.

Эти изменения в общественном мнении были связаны в первую очередь с широкомасштабной кампанией в западных СМИ по апологетике частной собственности и снижения регулирующей роли государства, которая идет, начиная с 1970-х годов, с разной степенью интенсивности, вплоть до настоящего времени. Согласно М. Даудерштедту, «мейнстрим немецких экономистов, СМИ и большинство исследовательских центров, в особенности, близкие к бизнесу, выступали за серьезное реформирование немецкого рынка труда и государства социального обеспечения, иначе Германия могла превратиться в неконкурентоспособного инвалида. И хотя многие из высказывавшихся аргументов были сомнительными – несмотря на утверждения о слабой международной конкурентоспособности, Германия имела профицит экспорта – политика, в конечном итоге, последовала за господствующей риторикой»¹⁸.

Прослеживается устойчивая связь: идеология определяет проводимую политику, которая, в свою очередь, влияет на осуществление экономических процессов. Особая обеспокоенность у ряда экономистов и политических дея-

---

¹⁷ Pierson C. *Beyond the Welfare State? The New Political Economy of Welfare*. Cambridge: Polity Press, 2006. P. 150.

¹⁸ Даудерштедт М. Немецкая модель: от конкурентоспособности к социальному росту. / Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под ред. А.В. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М.И. Воейкова. М., 2014. С. 335.

телей в связи со значительной долей госсобственности, которая, по их мнению, ведет к огосударствлению и снижению экономической эффективности, вызвала мощную пропагандистскую волну идей приватизации. Отношение к госсобственности как заведомо неэффективной, уступающей по всем характеристикам частной собственности стало преобладать в 1970-е годы, и сторонники приватизации усилили свой политический вес и влияние, в то время как сторонники усиления роли государства в экономике существенно ослабили свои позиции.

В.М. Полтерович сделал важный акцент на политической составляющей процесса приватизации, которая характерна не только для нашей страны, но и для развитых стран, где политический ландшафт изменился под влиянием правых партий, когда происходило смещение от социал-демократических тенденций в политике западных стран к либеральным или неоконсервативным тенденциям. При анализе причин приватизационной волны в развитых странах в 1980–1990-х гг. он присоединяется к мнению ряда авторов, что она не имела и не имеет под собой жестких оснований ни в теории, ни в практике. «Решения о приватизации принимались отчасти под влиянием идеологической моды, веры в большую эффективность частной собственности по сравнению с государственной. Однако более важными были две другие причины. Во-первых, за счет доходов от приватизации правительства рассчитывали справиться с экономическими трудностями, вызванными замедлением роста и высокой задолженностью... Во-вторых, приватизация являлась инструментом политической борьбы»¹⁹.

В постсоветской России в результате приватизации решался вопрос необратимости рыночных реформ за счет быстрой коррупционной раздачи государственных предприятий, не принесшей ощутимой выгоды ни казне, ни экономике в целом, ни российскому населению. В то же время, несмотря на произошедшие за последние двадцать пять лет радикальные изменения, проблема легитимизации собственности до сих пор далека от разрешения, что

---

¹⁹ Полтерович В.М. Приватизация и рациональная структура собственности. М.: Институт экономики РАН, 2012. С. 32.

препятствует как устойчивому развитию экономики, так и способствует социальной конфронтации. Кроме того, негативный социальный фон препятствует консолидации общества.

Характерно, что если еще в 1969 г. сама возможность приватизации отвергалась и на страницах авторитетнейшего британского журнала «Экономист» называлась чепухой²⁰, то за десять лет произошли серьезные изменения. Уже в 1979 г. политика М. Тэтчер проводилась под лозунгами приватизации, чему способствовали многочисленные трудности, с которыми столкнулся государственный сектор экономики в 1970-е гг. Однако в 1990-е гг. репутация политики приватизации и акционирования в Великобритании стала постепенно разрушаться. Общественное недовольство принесло свои плоды, маятник качнулся в другую сторону.

Лейбористы после прихода к власти оставили в частных руках денационализированные консерваторами предприятия, но ввели налог на сверхприбыль. Налог на доходы лиц, выигравших от приватизации в Великобритании, получил название *wind fall tax*, буквально – налог на доходы, которые «надул ветер», или более адекватный перевод на русский, – доходы, свалившиеся с неба, это может служить примером варианта компенсации общественных потерь и для нашей страны, хотя в постсоветской России доходы от приватизации несопоставимы по масштабам. Однако дело не только и не столько в приватизации. Наступление на права трудящихся стали повсеместными, усиление позиций капитала нарушило хрупкий баланс интересов, сложившийся в период «золотого века», профсоюзы в неблагоприятных условиях политического давления не смогли выстроить действенную стратегию защиты.

Постепенно приватизационные программы стали активно пропагандироваться и насаждаться во многих странах мира, причем если в западных странах – дозировано и в ограниченных масштабах, то в странах с развивающимися рынками – агрессивно и широким фронтом при усилении позиций ТНК, и преимущественно без учета национальных интересов. В то же время

---

²⁰ См.: *Виноградов В.А., Веселовский С.Я.* Приватизация в глобальном контексте. М.: ИНИОН, 1998. С. 8.

пример нашей страны уникален не только по грандиозности охвата, но и по срокам проведения приватизации. Осуществление фундаментальных изменений, ядром которых явилась приватизация, в условиях тотально обобществленных средств производства предполагало потребность в достаточно длительном в историческом масштабе времени. Однако в постсоветский период такой переход собственности на средства производства, причем в руки достаточно узкой прослойки образовавшегося класса собственников, был осуществлен в чрезвычайно сжатые сроки.

Страны Северной Европы, для которых характерна скандинавская модель как вариант щедрого государства всеобщего благосостояния, которое финансируется за счет высоких налогов, базируется на принципах универсализма при высокой степени социальной защиты, при всеобъемлющем охвате рынка труда регулирующими организациями, также не остались в стороне от либеральных реформ. Комплексный характер данной модели обеспечил высокие стандарты жизни и высокий уровень занятости. Однако, несмотря на кажущуюся незыблемость скандинавской модели, она подверглась серьезным изменениям в ходе процесса приватизации, который испытывал данную модель на прочность. Особый интерес вызывает Норвегия, которая примечательна как страна, распоряжающаяся своими природными ресурсами на благо всех ее жителей. Ее пример показателен не только в связи с тем, что данная страна является производителем и экспортером углеводородов, как и Россия, но и в связи с тем, что по индексу человеческого развития в 2015 г. Норвегия признана самой благополучной страной в мире. В пятерку наиболее благополучных стран по этому показателю вошли также Австралия, Швейцария, Дания и Нидерланды, тогда как Россия занимает 50 место, разделив его с Беларусью.

Случай Исландии явился наиболее ярким примером неукоснительного перехода от жестко регулируемой экономики к преимущественно ориентированной на рынок. Вновь приватизированным банкам было разрешено расширяться быстрыми темпами, подпитывая неустойчивый кредитный бум как

внутри страны, так и за рубежом, пока их активы не составили около 900% ВВП в середине 2008 г. Три основных исландских банка обанкротились в начале мирового финансового кризиса в 2008 г., который погрузил Исландию в глубокую рецессию²¹.

Несмотря на серьезные потрясения, которые пережили страны Северной Европы в разные периоды после окончания «золотого века» социального государства, пример Исландии, когда целая страна едва не стала банкротом, явился знаковым для кризисного 2008 г., аналогично краху инвестиционного банка Леман-Бразерс в США, ставшего нарицательным для характеристики данного кризиса. Тем не менее, даже финансовый кризис не изменил высокую долю налогов в ВВП стран Северной Европы, определяющую основу скандинавской модели социального государства. За последние 50 лет роль налогов как части ВВП значительно выросла. В начале 60-х годов их доля колебалась от 20 до 30% от ВВП, в 2010 г. – от 36 до 48%. Если в 1960 г. Швеция имела самую высокую долю налогов, то в 2010 г. – это Дания. Доля в Дании выросла с 21 до 48%²². Однако устойчивость скандинавской модели не обеспечивается автоматически, раз и навсегда данным установлением, за нее идет постоянная борьба, которая усиливается по мере нарастания внешнего давления процессов неолиберальной глобализации и внутреннего – сторонников либерализации социальной сферы.

Не менее серьезное сопротивление нападкам на трудовое законодательство и попыткам видоизменения модели социального государства имеет место во Франции, известной своими революционными традициями, что обусловлено историей классовой борьбы в стране. Как отмечает С.М. Федоров, «исторически и идеологически французские законодатели ставили задачу защитить работника от “плохого капиталиста”... Отсюда – курс на “декоммерциализацию” рынка труда, укрепление статуса наемного работника, вся-

---

²¹ The Nordic model – challenged but capable of reform / Tarmo Valkonen and Vesa Vihriälä (eds.). P. 19.

²² <http://www.norden.org/en/theme/former-themes/theme-20>.

кие регламентации и административные запреты (введение минимальной зарплаты, тарифных сеток, жесткий распорядок трудового дня и пр.)»²³.

В последние 20 лет конфликты профсоюзов и правительства участились, антиправительственные протесты в связи с планом Жюппе по реформированию пенсионной системы и социального страхования в 1995 г. напомнили 1968 г. Тогда премьер-министр Жюппе вынужден был отозвать пенсионную реформу, но изменения в социальном страховании были приняты. Новые социальные потрясения вызвала реформа трудового кодекса 2016 г., названная профсоюзными лидерами «историческим регрессом», которая воспринималась обществом как регресс социальный, хотя она, как ни парадоксально, была предложена левым правительством – Социалистической партией. Реформа предполагает упрощение процедуры увольнения для предприятий в случае экономических трудностей. Работодатели также получают возможность увеличивать рабочее время сотрудников (вплоть до 60 часов в неделю) и сокращать доплаты за переработку. Власти считают, что все это должно помочь предпринимателям преодолеть страх найма новых работников, вызванный сложной и дорогостоящей процедурой увольнения²⁴.

Парадоксально и то, что непопулярные реформы 2006 г. (о первом рабочем контракте), 2010 г. (о повышении пенсионного возраста с 60 до 62 лет), предложенные правоцентристскими правительствами, были отозваны после массовых манифестаций протеста, а реформа трудового кодекса 2016 г. от «левых» была принята. Более того, Президент Франции, социалист Ф. Олланд, поддержал жесткие методы французской полиции по разгону демонстрантов, собравших на забастовки и марши протеста около миллиона человек. Аналогично в Греции левое правительство подавляло массовые протесты против непопулярных реформ в период обострения долгового кризиса, хотя и под нажимом МВФ, ЕЦБ и других наднациональных органов ЕС.

---

²³ Социальная Европа в XXI веке. Часть II. Европейская социальная модель: единство в многообразии / Под ред. М.В. Каргаловой (отв. ред.) и др. М.: Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2009. С.113.

²⁴ Подробнее на ТАСС: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3292737>.

Показательно, что именно Социалистическая партия начала процесс демонтажа наиболее «социалистической», как ее было принято называть, системы трудовых отношений под предлогом борьбы с безработицей, которая превысила 10% трудоспособного населения, чтобы подтолкнуть французский бизнес к созданию новых рабочих мест. Это можно объяснить тем, что в условиях глобализации идет конкуренция за капитал с созданием ему преференций не только в финансовой, но и социально-трудовой сфере. В последние годы активно пропагандируется и насаждается идея гибкости регулирования социально-трудовых отношений и установления заработной платы, которая вступает в противоречие с системой регламентации и администрирования, сложившейся в результате послевоенного консенсуса. Это стало возможным с введением так называемого социального протокола Маастрихтского договора, который позже стал частью социальной Главы Амстердамского договора от 1997 г. При этом произошло исключение политики оплаты труда из сферы компетенции ЕС. Парадоксально, что это совпало по времени с решением о запуске Европейского валютного союза. Последнее привело не только к новому этапу европейской экономической интеграции, но и созданию нового макроэкономического режима, который устанавливает новые правила и задачи национальной политики заработной платы²⁵. Таким образом, следует вывод, что наибольшая угроза системе социального государства исходит от трансформации отношений труда и капитала именно тогда, когда баланс сил значительно смещается в сторону последнего. Инвестор выходит на первый план, чьи интересы доминируют нередко вопреки социальным последствиям.

По сути, повсеместно реализуется матрица со стандартным набором предписаний, позволяющих беспрепятственно разрушать несущие конструкции социального государства, если они мешают привлекать в страну инвестиции. Знаменитый лозунг премьер-министра – социалиста Л. Жоспена:

---

²⁵ Социальная Европа в XXI веке. Часть II. Европейская социальная модель: единство в многообразии / Под ред. М.В. Каргаловой (отв. ред.) и др. М.: Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2009. С. 294.

«Да – рыночной экономике, нет – рыночному обществу!», – который был популярным не только во Франции, но и в других западных странах, постепенно вытесняется на периферию общественного сознания. Во Франции еще сильны профсоюзы, которые могут вывести на улицы миллион человек, однако их возможности небезграничны. По мере сокращения занятых в промышленности будет снижаться потенциал протестной активности как фактор сохранения достижений социального государства. В последнее время закрываются сталелитейные заводы, прядильные фабрики, на действующих предприятиях ухудшаются условия труда и найма.

В условиях глобализации среди возможных вариантов повысить конкурентоспособность произведенных товаров практически повсеместно выбирается наиболее приемлемый для работодателя способ – понизить издержки по оплате труда и сократить социальную нагрузку на бизнес. Помимо фактора глобализации изменения в системе занятости развитых стран вызваны усилением постиндустриальных тенденций, ведущих к сокращению рабочих мест в сельском хозяйстве и промышленности, увеличению доли сферы услуг. Усиление неравенства – наиболее ярко выраженный индикатор кризиса социального государства, который характеризует не только англосаксонскую модель, но и европейскую модель в целом. Эта тенденция вписывается в глобальный контекст социально-экономического развития, для которого характерно социальное расслоение, вплоть до поляризации, с процессом вымывания среднего класса при росте доходов наиболее богатых. По мнению А. Волкера, «европейская социальная модель призвана снизить уровень бедности, облегчить доступ к социальным благам и сохранить социальную сплоченность – но эта модель не нацелена на создание высоких стандартов жизни для всех»²⁶.

Переход от принципа универсализма к адресности социальной помощи и ограничению доступности социальных благ при общей атмосфере культа богатства в ряде западных стран постепенно стал вытеснять общую атмосфе-

---

²⁶ Волкер А. Принципы и развитие европейской социальной модели: минимальные стандарты или социальное качество / Мир перемен. 2008, № 1. С. 72.

ру неприятия демонстративного потребления. Е.В. Ананьева привела весьма показательное замечание архитектора «нового лейборизма», бывшего министра в лейбористском правительстве и комиссара ЕС по торговле П. Мандельсона: «Нет ничего постыдного в том, чтобы быть богатым до неприличия» (there is nothing bad in being filthy rich)²⁷. Пример Британии имеет значение для нашей страны, поскольку правящие круги как под копирку воспроизводят в российской действительности, причем в гипертрофированном виде и с еще более серьезными последствиями. Кроме того, данный пример отхода от модели поведения в социальном государстве, который осуществлялся наиболее последовательно, демонстрирует возможности игнорировать социальные потребности. Российские новые «богатые до неприличия» особенно вопиюще выглядят на фоне новых бедных, причем работающих, получающих до неприличия низкую зарплату.

Острота проблемы – сочетание широкомасштабной бедности и поляризации российского общества остается неизменной в течение всего периода пореформенного развития – и в период трансформационного спада, и в период восстановительного роста, и в период стагнации. Как отметил А.Ю. Шевяков, «социально-экономическое неравенство и бедность обусловлены не отсутствием ресурсов и недостаточностью темпов экономического роста, а глубоко деформированными механизмами государственного регулирования и распределения, в том числе распределения эффектов от использования и эксплуатации общественной собственности»²⁸. Абсолютизация экономического роста в борьбе с бедностью характерна для неолиберального подхода, преобладающего с начала 90-х годов XX в. в нашей стране и в целом ряде западных стран.

По мнению А. Волкера, «сторонники данной позиции, как и их неолиберальные предшественники, утверждают, что глобальный экономический

---

²⁷ Ананьева Е.В. «Midterm blues» или маятник пришел в движение? // Международная жизнь. 2012. № 5.

²⁸ Шевяков А.Ю. Эффекты социальной политики в разрезе отдельных групп населения России: путь к социальному государству // Россия: путь к социальному государству. М.: Научный эксперт. 2008. С. 31.

рост “поднимет все лодки в море”, а в качестве дополнительного бонуса – улучшит положение и самых бедных. Доказательств данной теории в рамках национального контекста, для которого ее использовали, не существует, тем не менее, сегодня она господствует в мире»²⁹. Упование на экономический рост как основной фактор решения всех экономических и социальных проблем снижает значение механизма перераспределения и нивелирует социальную роль государства. Кроме того, глобализация обращает экономический рост на благо ТНК, а не национальных государств.

«При предоставлении в мировом хозяйстве услуг по перманентному экономическому росту экономические монополии выигрывают в процессе глобализации конкурентную борьбу за факторы производства – землю, капитал, труд»³⁰. При доминировании финансового капитала финансовые операции замещают собой любую производственную деятельность для достижения максимальной прибыли, плодами экономического роста пользуются в первую очередь финансовые структуры. Более того, в период экономического кризиса банки и другие финансовые организации получают значительную помощь от государства. В частности в связи с кризисом 2008 г. российские банки получили около 3 трлн руб. государственных средств, что является беспрецедентной мерой в стране, где не решены проблемы бедности и социального расслоения, недофинансированы социально значимые отрасли.

Однако нельзя отрицать, что в условиях социального государства, в период «славного тридцатилетия», экономический рост способствовал социальному развитию в интересах большинства населения. Если воспользоваться терминологией У. Бека, то сработал «эффект лифта», “классовое общество” целиком поднялось на этаж выше... произошло коллективное увеличение доходов, увеличились шансы получить образование, возможности путе-

---

²⁹ Волкер. А. Принципы и развитие европейской социальной модели: минимальные стандарты или социальное качество / Мир перемен. 2008, № 1. С.72.

³⁰ Долматова С.А. Как устойчивый рост подменил жизнеспособное развитие // Международная жизнь. 2009, №2–3. С. 121.

шествствовать, возросло правовое, научное обеспечение и обеспечение товарами массового спроса»³¹. Тем не менее, социальный лифт дальше не идет, предел достижений «золотого века» социального государства не может быть преодолен при финансиализации экономических процессов с одновременным смещением приоритетов от «благополучия для всех» до обеспечения индивидуального благополучия. Кроме того, при глобализации «возникли большие проблемы в толковании прав индивида, в соседстве экономического роста с появлениями новых очагов бедности и корпоративизма. Либерализм стал отличаться на глобальном уровне отсутствием связи с социальным государством, ибо глобального государства не существует»³².

Наднациональные институты, как правило, социальными вопросами занимаются в контексте обеспечения финансовой стабилизации. В частности в условиях долгового кризиса в странах Южной Европы именно под давлением так называемой тройки – МВФ, ВБ, ЕС – принимались национальные программы сокращения социальных расходов. Особо радикальными они были в Греции, где в обмен на кредиты международных организаций, заинтересованных в увеличении курсовой стоимости стремительно обесценившихся греческих облигаций, основными держателями которых были западные банки, в частности немецкие, чтобы не обрушить финансовые рынки, была принята программа реформирования социальной системы в целях сокращения бюджетного дефицита.

В частности были приняты решения о более гибком трудовом законодательстве с упрощением практики заключения коллективных соглашений, о повышении пенсионного возраста, значительном сокращении среди занятых доли госслужащих, снижении пособий по безработице и т.д. Тем не менее, налоговое бремя на небогатое население не было увеличено, и даже были предприняты меры по более справедливому его перераспределению. При этом базовые ценности остались в неприкосновенности. В то же время не

---

³¹ Бек У. «Общество риска. На пути к другому модерну». М.: Прогресс-Традиция. 2000.

³² Федотова В.Г. Капитализм, глобализация и социальное государство // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2015. № 4. С.86.

следует переоценивать возможности социального государства в условиях внешнего давления при частичной утрате суверенитета. Пример Греции наглядно демонстрирует, какие риски несет страна в условиях глобализации при ухудшении конъюнктуры на мировых рынках и в случае утраты национальной промышленности как основы экономической безопасности. Тем не менее, сохранение принципов социального государства, которые реализовались в Греции, оказалось возможным. Следует отметить, что Греция получила социальные преимущества благодаря присоединению к социальным стандартам ЕС, в пределах которого она оказалась. Что касается кризисных явлений в социальной сфере данной страны, то они являются лишь частным случаем кризиса социального государства как такового.

В то же время вопрос о кризисе социального государства переходит в политическую плоскость, затрагивает интересы как большинства населения, так и истеблишмента, включая бенефициаров финансового капитализма. В свою очередь, вопрос политической демократии не может быть решен без решения вопроса экономической демократии, и в конечном счете социального вопроса. Однако в последние годы неолиберализм как экономическая идеология вступает в противоречие с демократическими институтами, в частности с судебной системой.

В докладе МОТ, посвященном социальной проблематике посткризисного развития, подчеркивается: «Страны с высокими уровнями доходов сужают круг социальных пособий и ограничивают доступ к качественным государственным услугам. Вместе с хронической безработицей, низкой зарплатой и высокими налогами эти меры способствуют росту масштабов бедности и социальной изоляции, от которых в настоящее время страдает 123 млн жителей стран Европейского союза, т.е. 24% населения, многие из которых дети, женщины, престарелые и инвалиды. Суды ряда европейских государств признали эти сокращения *противоречащими конституции* (выделено мною. – С.Д.)... Достижения европейской социальной модели, выразившиеся в резком сокращении масштабов бедности и росте благосостояния в период

после Второй мировой войны, нивелируются краткосрочными корректирующими реформами»³³.

Тем не менее, данная корректировка не меняет основ модели социального государства, хотя и видоизменяет механизмы взаимодействия с экономической системой, переводит социально-экономические отношения на качественно иной уровень. Отказ от принципов универсализма, снижение качества государственных услуг, увеличение роли бюрократии, преследующей корпоративные интересы, вызывают обеспокоенность не только у специалистов, но и у широкой общественности. Кроме того, миграционный кризис предельно обострил противоречия, с одной стороны, между местным населением и резидентами из прежних миграционных волн, максимально адаптированных к социально-экономическим условиям Европы, и, с другой стороны, вновь прибывшими выходцами из развивающихся стран. Однако неправомерно рассматривать данный кризис исключительно как социокультурный, хотя он, безусловно, свидетельствует о несостоятельности идеи мультикультурализма как основы гуманитарной политики ЕС. В первую очередь это – кризис социально-трудовых отношений как проявление последствий глобализации и геополитических изменений после развала СССР. Неконтролируемый поток мигрантов приводит к дополнительной нагрузке на институты социального государства, происходит снижение качества социальных услуг, возрастает роль бюрократии и создаются условия для коррупции в связи с уменьшением возможностей для оперативного контроля за распределением денежных средств.

Испытывает нагрузку и рынок труда. Замещение качественных рабочих мест некачественными в связи с необходимостью обеспечить занятость вновь прибывших и интегрировать их в рынок труда остается серьезной проблемой, которая не могла не остаться незамеченной и на международном уровне, в рамках большой двадцатки. Саммиты G20, стартовавшие как продолжение

---

³³ Доклад о социальной защите в мире 2014/15: Обеспечить экономическое восстановление, инклюзивное развитие и социальную справедливость. Department of Communication and Public Information. International Labour Organization. С. 9.

встреч глав финансовых ведомств в целях преодоления кризиса 2008 г., постепенно, с 2010 г. стали переходить к социальной тематике, включающей задачи создания рабочих мест. Большая «двадцатка», начиная с 2011 года, с саммита в Каннах заявила, что социальные проблемы и проблемы в сфере занятости будут и впредь оставаться неотъемлемой частью повестки дня «Группы двадцати»³⁴.

Министры труда и занятости стран, входящих в «Группу двадцати», на последующих саммитах призвали к созданию «более качественных рабочих мест» и к «политике, направленной на укрепление связей между производительностью труда, заработной платой и занятостью»³⁵. Мигранты относятся к системе социального государства как потребители и в силу своей разобщенности и неустойчивости положения не могут выступать в роли гарантов сохранения его институтов, как это делают организованные в профсоюзы занятые на крупных предприятиях, студенты, представители общественных объединений и политических организаций, а также другие социально активные представители гражданского общества. С другой стороны, гарантирует сохранение данной системы и бюрократия, ставшая за годы развития социального государства самостоятельной силой, имеющей собственный интерес в распределении значительных финансовых потоков. В то же время, если в системе социальных услуг превалирует финансовая составляющая, то для организаций, задействованных в процессе их предоставления, нет необходимости обеспечивать их качество. В данной связи приток нетребовательных мигрантов открывает дополнительные возможности для освоения финансовых ресурсов и коррупционной деятельности.

Тем не менее, растущее недовольство коренного населения отражается и на самой системе социального государства, привлекающей мигрантов, что создает дополнительные сложности ее дальнейшего функционирования.

---

³⁴ Декларация «Построение нашего общего будущего: возобновление коллективных действий для всеобщего блага». Каннский саммит 3—4 ноября 2011 года (Франция).

³⁵ Доклад «Заработная плата в мире в 2014–2015 гг.»: Заработная плата и неравенство доходов / ГТПДТ и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Москва: МОТ, 2015. С. 3.

Кроме того, возможности организации протестных действий как метода давления на правительства в случае урезания социальных программ уменьшаются по мере изменения структуры занятости в связи с углублением процесса глобализации и по мере нарастания постиндустриальных тенденций. Вместо социальных протестов на первый план выходит протестная активность на национальной почве, в связи с усилением исламизации и угрозой терактов. Активизация правых партий вследствие сложившейся ситуации может привести не к косметическим реформам социального государства, а к изменению всей социальной системы. Устойчивость социального государства в западных странах будет зависеть от баланса политических сил.

Глава III. Императив социального государства

В последние годы в России растет критический настрой относительно социально-экономической системы, сложившейся в результате 25 лет рыночных реформ, их теоретических основ и практики их реализации в связи с невосполнимыми социальными потерями, к которым они привели. В данной связи закономерно внимание к их исходному пункту. По мере удаления от советской системы идет ее постепенная реабилитация в общественном сознании. Как отметила А. Очкина: «Сегодня в России советское социальное государство, не ценимое в полной мере советскими гражданами и разрушаемое реформами правительства, переживает второе рождение уже в качестве феномена общественного сознания... то, что сейчас реформами правительства превращается в услуги разной степени доступности, существовало ранее как социальные права. Именно восприятие образования, здравоохранения, культуры, социальных гарантий как социальных прав есть наследие советского прошлого»³⁶.

Утрата социальных прав для большинства российского населения не компенсируется ростом их материального благосостояния, а также соблюдением индивидуальных прав, и поэтому воспринимается особенно болезненно. Между тем при реализации модели социального государства эти процессы должны развиваться параллельно – по мере роста доходов населения должны увеличиваться и социальные возможности государства. Вызывает особый интерес дискуссия относительно соотношения советской модели и модели социального государства, если в начале переходного периода эти две модели противопоставлялись, то в последнее время все больше говорят об их схожих чертах, нежели о различиях, в частности во время их наивысших достижений.

---

³⁶ А. Очкина. Новое социальное государство как модель посткризисного развития // Логос. № 2 [98]. 2014. С. 202.

В частности, В. Мау связывает кризис социализма в СССР с кризисом социального государства на Западе: «Все развитые страны находятся в поиске моделей модернизации социального государства. Россия находится в таком же положении, хотя бы потому, что именно *социализм и создал социальное государство* (выделено мною. – С.Д.). Я думаю, что кризис 90-х не был кризисом социализма, это был кризис индустриального социального государства. Это очень важная развилка; еще несколько лет назад мало кто верил в возможность новой модели социального государства. (Общее мнение было таково: от него отказались, потому что денег не было, а появятся – и можно будет вернуться к тем же принципам.)»³⁷.

Действительно, дело не в деньгах, наличие финансовых ресурсов, которые увеличились в стране вследствие притока нефтедолларов в так называемые тучные годы, не повлияло должным образом на изменение системы приоритетов, сложившейся в 90-х годах. Разворота в сторону социального государства сделано не было. В то же время, если речь идет о кризисе индустриального социального государства, то при запуске процесса реиндустриализации, о котором было заявлено на самом высоком уровне, возможно, было бы поставить вопрос о ресоциализации. Даже если не выработана модель постиндустриального социального государства (при тенденциях постиндустриального развития) разве не достаточно оснований при наличии финансовых ресурсов хотя бы не снижать уровня финансирования социально значимых отраслей, который для большинства населения уже стал нормой в развитых странах в индустриальную эпоху? Для чего нужна реиндустриализация, если при этом не ставится цель обеспечить максимально широкий доступ к качественным общественным благам?

Однако В. Мау, который является ведущим правительственным экспертом, считает необходимым придерживаться стратегии индивидуализации. «Во всех этих различных социальных системах может быть заложен общий универсальный принцип – индивидуальный характер услуги. Люди выбира-

---

³⁷ Мау В.А. В. Россия на пути к новой модели социального государства //Вестник Европы, 2013. № 36.

ют индивидуальные траектории. Не может быть больше массовой (и хорошей) медицины, массового хорошего образования, массовой модели пенсионирования»³⁸. Однако где гарантии, что этот индивидуальный выбор делается при равных условиях доступа к общественным благам и их аналогам? И как выбор индивидуальной стратегии может быть универсальным?

Все приведенные выше рассуждения рассчитаны на представителей высокодоходных групп населения, которые априори рассчитывают на эксклюзивное потребление товаров и услуг. Большинство населения будет стремиться к бесплатной медицине, образованию, если будет предоставлена такая возможность. В любом случае должна быть свобода выбора, а не принуждение к «индивидуальным траекториям», когда нет адекватной альтернативы. Безусловно, не может быть качественной медицина, превращенная в сферу услуг, также как и образование. Однако массовая и одновременно хорошая медицина, массовое хорошее образование и достойная пенсионная система как раз являются характеристиками развитого социального государства. Перенос затрат по их финансированию на индивидуальный уровень является свидетельством кризиса социального государства.

Однако, несмотря на бедственное положение отраслей, связанных с развитием человеческого потенциала в нашей стране, нарекания населения по поводу неизменно ухудшающегося качества образования и здравоохранения, намечаются перспективы международной конкуренции российских клиник и университетов за деньги иностранцев. Как полагает В. Мау: «Качество учреждения уже сейчас можно определять по числу иностранцев, которые готовы приезжать учиться (или лечиться) здесь». В то же время отмечается, что «важнейший социальный вызов – это бегство элиты (в терминах не эмиграции, а выбора предлагаемых услуг, где и как отдыхать, развлекаться, одеваться, жить, лечиться и учиться, где это сделать лучше всего). Но если это так, значит, в России не будет ни хорошего образования, ни здравоохранения. Предложение все-таки должно подстраиваться под спрос. Те, кто более

---

³⁸ Там же.

всего озабочен хорошим образованием и здравоохранением и у кого есть деньги, получают это не здесь. И не столь важно, где они живут, и даже где они платят налоги, важно, что же происходит с нашими институтами образования и здравоохранения. Тем более что мы живем в мире, когда *«изменить стране легче, чем изменить страну...»* (выделено мною. – С.Д.) Проблемы модернизации и трансформации социального государства являются сегодня самыми важными. И по отношению к ним проблемы экономического роста являются лишь производными»³⁹.

Выделенное выше высказывание, которое привел В. Мау, тем не менее, наиболее точно отражает содержание процесса социальной трансформации в России, когда вместо ожидаемого населением улучшения качества жизни была получена возможность покинуть страну, чтобы воспользоваться достижениями социального государства на Западе. Не случайно среди основных результатов рыночных реформ обычно называют открытость современной России внешнему миру. В то же время, если российских граждан принимают в качестве туристов, то далеко не всегда – в качестве специалистов. Тем более, что возможности социального государства на Западе тоже безграничны.

Знаковыми событиями в Европе в 2014 г. стали прекращение деятельности из-за недофинансирования симфонического оркестра и хора Римской оперы, урезание научных бюджетов и закрытия множества научных программ. Широкий общественный резонанс вызвало открытое письмо европейских ученых чиновникам ЕС в Брюсселе: «Они выбрали невежество» – и демонстрации протеста в европейских столицах – Париже, Риме, Мадриде. Изменение отношения к искусству и науке стало свидетельством не столько проявлений последствий кризиса, сколько изменений системы приоритетов.

Бегство элиты как социальный вызов – это тема, которая требует специального исследования, в то же время и без отъезда за комфортом на Запад так называемая элита обеспечила себе аналогичное автономное существова-

---

³⁹ Там же.

ние и внутри страны, фактически отдельно от социума, в том числе и за счет госбюджета. Характерно, что высшее чиновничество в России выстроило для себя систему льгот и привилегий не только не соответствующую современному демократическому обществу, но и обществу советского типа, развал которого осуществился под лозунгом борьбы с привилегиями. Не было предъявлено разумного обоснования автономной системы социальной защиты и пенсионного обеспечения высшей бюрократии и приравненным к ним лицам. При этом чиновничество стало ориентироваться исключительно на доходы и качество жизни представителей крупного бизнеса, предоставив большинству населения индивидуальные стратегии выживания, с опорой на семью и ближний круг.

Считается, что «между государством и населением сложился непродуктивный социальный контракт, предполагающий высокую толерантность населения к неисполнению (или ненадлежащему исполнению) государством многих из своих функций в обмен на предоставление гражданам свободы в части уклонения уже от их обязанностей»⁴⁰. Об этом неписаном контракте периодически напоминают в СМИ, хотя контракт предполагает обоюдную заинтересованность сторон в его исполнении или, по крайней мере, согласие с его положениями. В данном случае – ситуация иная, российское население, лишенное возможности влиять на процесс принятия решений исполнительной властью при фактическом отсутствии гражданского контроля и обратной связи, поставлено перед фактом реализации заведомо непопулярной политики. Без действенных институтов организации протестной активности как инструментов воздействия на власть (отдельные социальные протесты, как, например, против монетизации льгот не меняют общей картины) население вынуждено использовать неформальные способы адаптации к асоциальной политике, в частности, неформальную занятость и другие варианты ухода в теневые отношения.

---

⁴⁰ *Александрова О.А.* Институциональные проблемы становления социального государства в современной России. М.: М-Студио, 2009. С. 210.

Помимо властных структур пример социальной расточительности демонстрируют госкорпорации, а именно дают пример не только избыточной занятости, но и запредельных доходов топ-менеджеров. Еще в 2012 г. «Деловая Россия» выступила с предложением о приведении в соответствие заработков работников госкорпораций и госкомпаний, в которых доля государства превышает 50%, с системой оплаты труда работников бюджетной сферы⁴¹. В то же время особую остроту приобрела проблема дифференциации доходов не только между привилегированными и непривилегированными бюджетниками, но и разрыв в зарплатах между управленцами и рядовыми работниками в рамках единых предприятий и организаций. Если при упоминании высоких заработков в госкорпорациях находится формальный повод для их обоснования – обычно идет отсылка к тому, что нельзя вмешиваться в коммерческую деятельность акционерных обществ под предлогом, что весомую роль играют собственники-акционеры (хотя за государством должно оставаться право решающего голоса), то для обоснования непомерно высокого вознаграждения руководящих работников в государственных унитарных предприятиях нет даже таких формальных оснований. Тем не менее, даже в самых недофинансированных бюджетных организациях находятся ресурсы для заработков руководства, многократно превышающих не только минимальный уровень оплаты труда, но и среднюю зарплату.

Согласно системе оплаты труда, введенной в нашей стране в 2008 г., появилась возможность все выделенные бюджетному учреждению деньги тратить с таким расчетом, чтобы был сформирован фонд экономии данного учреждения для поощрения сотрудников в виде стимулирующих надбавок и премий, что содержит непрозрачный механизм осуществления дополнительных выплат администрации. Противопоставление администрации персоналу воспроизводится практически во всех бюджетных учреждениях, а средняя зарплата не отражает уровня заработных плат большинства работников, со-

---

⁴¹ Бизнес предлагает срезать зарплаты в госкомпаниях и госкорпорациях / Российская газета. 17 июля 2012 г. № 5834. <http://rg.ru/2012/07/16/zarpalati-site.html>.

держит значительные выплаты руководству на фоне минимальных выплат рядовым сотрудникам.

Таким образом, Российское государство не только не выполняет должным образом функцию регулятора распределительных процессов в частном секторе, но и само воспроизводит аналогичную дифференциацию доходов на предприятиях с государственной формой собственности, компаниях, получающих финансирование из госбюджета и внебюджетных фондов, связанных с государством. Кроме того, резкая девальвация рубля 2014 г. и последующий всплеск инфляции отбросили реальные доходы большинства населения на более низкие уровни, пострадали в очередной раз бюджетники, увеличив ряды работающих бедных, причем высшие управленцы, которые также имеют бюджетное финансирование, судя по уровню их заработной платы, болезненно перенесли финансовые потрясения.

Тем не менее, положительные сдвиги в этом направлении возможны, если будет решена проблема дифференциации не только на унитарных предприятиях и в организациях, но и в госсекторе в целом, который может стать примером для снижения уровня социального расслоения в российском обществе. Кроме того, без повышения реальных, а не номинальных заработных плат, проблему работающих бедных, которая только в 2016 г. стала признаваться на официальном уровне, не решить, хотя под предлогом постсанкционных вызовов для экономики в госсекторе не происходит даже номинального роста заработков специалистов.

Более того, в 90-е годы процесс расслоения воспринимался как временный и связывался с вступлением в действие рыночных механизмов. В настоящее же время, несмотря на то что и данные официальной статистики, и многочисленные социологические опросы, и экспертные оценки свидетельствуют о значительной дифференциации населения по размерам доходов, накопленному богатству, доступу к общественным благам, государство, по сути, данную проблему игнорирует. Подобное положение помимо гуманитарных аспектов невозможности реализации принципа социальной справедливости

ведет в современных экономических условиях к распространению социальной сегментации, к снижению трудовой мотивации и в целом к дальнейшему усилению негативных тенденций на рынке.

Согласно известной гипотезе С. Кузнецца, показавшего связь экономического роста и неравенства распределения доходов, – по мере экономического роста до определенного предела неравенство увеличивается, а затем уменьшается, что демонстрируется обратной U-образной кривой, – можно было бы ожидать сглаживания неравенства в постсоветской России, уповая на рост экономики. Однако резкое социальное расслоение в нашей стране произошло на фоне значительного спада экономики и по мере восстановительного роста не только не уменьшалось, но и увеличилось. Как представляется, гипотеза Кузнецца не нашла подтверждения в российских условиях в связи с нерыночным характером перераспределения собственности в ходе процесса приватизации, придавшего мощный импульс дифференциации доходов.

В частности, по данным Росстата, если в 1992 г. коэффициент фондов составил 8 раз, то в 1993 – 11,2, в 1994 – 15,1. На этом уровне произошла относительная стабилизация. В период после кризиса 2008 г. официальная статистика устойчиво показывает соотношение между средним уровнем дохода нижнего и верхнего квинтиля в 16 раз⁴², что сопоставимо с латиноамериканским типом неравенства. Причем в особом регионе в Российской Федерации, Москве, подобный разрыв в доходах, по экспертным оценкам, составляет от 40 до 100 раз. Однако, по данным исследования МОТ, наоборот, имело место «сокращение общего неравенства с 2002 по 2012 год»⁴³, т.е. вопреки данным Росстата, не говоря уже об экспертных оценках. Если еще учесть, что в исследовании МОТ речь идет о децильных показателях, то должна была быть

---

⁴² Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2001. С.130; Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2014. С.109; Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб./Росстат. М. 2016. С.158.

⁴³ Доклад «Заработная плата в мире в 2014–2015 гг.»: Заработная плата и неравенство доходов / ГТПДТ и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: МОТ. 2015. С. 47.

зафиксирована еще большая дифференциация, чем у Росстата, отражающая характерную для России чрезмерную концентрацию доходов и накопленного богатства у верхних слоев при полной нищете нижних.

«Улучшение» показателей в исследовании МОТ имело место благодаря специфике использованной выборки Мониторинга RLMS-HSE, который проводится ВШЭ и ЗАО Демоскоп. Данная выборка, по мнению самих исследователей, характеризуется занижением оценки дохода и недостаточной представленностью сверхбогатых слоев⁴⁴, что не отражает в полной мере реальную картину. Однако при усилении полюса богатства в течение всего трансформационного периода необходимо, чтобы результаты социологических исследований учитывали специфику данного процесса, а не нивелировали фактически остроту проблемы дифференциации.

Накануне глобального финансового кризиса стремительный рост миллиардеров и миллионеров трактовался приближенными к властным структурам экспертами всего лишь как процесс удорожания финансовых активов в связи с ростом капитализации российских компаний в тихой финансовой гавани на фоне относительного роста доходов всего населения. Однако в постсанкционный период изменения конъюнктуры на мировых рынках энергоносителей и падения российского фондового рынка, как и в кризисном 2008 г., данный весьма спорный аргумент не работает. Происходит ухудшение положения не только бедных слоев населения, но и представителей среднего класса, потерявшего значительные сбережения в ходе девальвации рубля. Кроме того, реализация трудового потенциала специалистов, которые составляют основу среднего класса, в условиях деиндустриализации и гипертрофии финансового сектора весьма проблематична.

Как отмечал почти десять лет назад С.М. Никитин, в развитых странах показатель разрыва доходов на уровне окончательного распределения личных доходов по сравнению с первичным распределением резко сокращается (в США, например, с 15,7 до 5,5). В России из-за слабого государственного

---

⁴⁴ Там же. С.93.

влияния на эту сферу, уравнительного характера подоходного налога (13% для всех слоев населения) показатель разрыва личных доходов с учетом перераспределения близок к показателю разрыва на уровне первичного распределения»⁴⁵. Эта ситуация сохраняется, несмотря на ее очевидную абсурдность и вал критики со стороны научного сообщества, периодическое обращение внимания представителей властей к данной проблеме. Реальные действия по ее разрешению не предпринимаются. Главным аргументом сторонников сохранения единого налога на доходы физических лиц являются опасения выхода в тень налогоплательщиков с высокими доходами при введении прогрессивной шкалы. Однако и при сохранении плоской шкалы используются многочисленные варианты ухода от налогов, в том числе с помощью оффшорных схем, что не снимает с государства ответственности за обеспечение налоговых поступлений. К тому же играет немаловажную роль коррупционная составляющая, для искоренения которой необходим системный подход⁴⁶.

Таким образом, весь период постсоветской рыночной трансформации характеризуется резким социальным расслоением. В то же время, если в начале реформ пропагандировалось, что страна стоит на пороге формирования массового среднего класса, и говорилось с самых высоких трибун о поляризации российского общества как временной проблеме, вызванной трансформационным кризисом, то в настоящее время можно констатировать явную устойчивость данного «временного» явления.

Как представляется, замысел трансформационного процесса в постсоветской России довольно точно определил А.А. Аузан: «...Этот переход, невиданный в истории, от экономики глубокого дефицита к обществу, лопаю-

---

⁴⁵ Никитин С. Личные доходы населения (На примере развитых стран) // МЭ и МО, 2007. № 2. С. 23.

⁴⁶ См. подробнее: Долматова. С. А. Императив реализации принципов социального государства и проблемы системной коррупции в постсанкционной России // Журнал «Мир перемен». 2016. № 2. С.121–132.

щемуся от бессмысленного потребления»⁴⁷. Однако здесь следует добавить важную характеристику этого перехода, а именно, что к бессмысленному потреблению перешли исключительно верхние слои, в то время как значительная часть населения едва обеспечивает себя товарами первой необходимости, хотя, безусловно, мотивация на избыточное потребление навязывается всему социуму, определяет приоритеты развития. Кроме того, если современное российское общество в определенной степени можно считать потребительским, то сводить советскую экономику исключительно к экономике дефицита, как это делал в свое время еще Я. Корнаи, неправомерно. Причем А.А. Аузан отмечает противоречивый характер советской системы, когда экономика дефицита сочеталась с лидерством в передовых отраслях, таких как космос, атомная промышленность, делая СССР, по словам А.А. Аузана, «лидером технологического развития, социально привлекательной державой»⁴⁸. Кроме того, тотального дефицита в период этого лидерства СССР не наблюдалось. Поэтому без объяснения этих противоречий его тезис о неизбежности перехода «от экономики дефицита к ее противоположности – обществу потребления» остается дискуссионным.

В то же время и в период наивысшего подъема, и в период кризиса советской системы социальные обязательства государства выполнялись на достаточно высоком уровне. Это касается в первую очередь советской модели выплат и льгот из общественных фондов потребления, которая распространялась на всех граждан страны. На момент начала реформ (включая перестройку), в 1985 г., по данным ЦСУ СССР, при ВВП в 1345,8 млрд руб. выплаты населению из ОФП составили 147 млрд руб. (530 руб. в расчете на душу населения). Для промышленных рабочих при средней месячной зарплате в 301 руб. (при средней по народному хозяйству – 190 руб.) выплаты составили 1069 руб. в год⁴⁹.

---

⁴⁷ Московский экономический форум. Итоги рыночных реформ «без гнева и пристрастия» // Журнал «Мир перемен». 2016. №2. С.8–9.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Народное хозяйство СССР в 1985 г. Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1986. С.45.

А.Г. Аганбегян приводил аналогичные данные: «...Если среднюю зарплату рабочих и служащих принять за 100%, то с учетом выплат и льгот она составит более 140%, а с учетом затрат на строительство жилья и социально-культурных учреждений – более 150%»⁵⁰. Роль общественных фондов потребления трудно переоценить. Помимо создания социально комфортной среды и поддержания уровня жизни населения, они способствовали снижению дифференциации социальных слоев по доходам, которая и так была низкой. Как отметил Аганбегян в 1988 г., «если взять 10% низкообеспеченных семей и 10% самых высокообеспеченных, то разница в доходе в настоящее время составит около 3 раз»⁵¹.

Эти данные резко контрастируют с нынешней дифференциацией, которая, по экспертным оценкам, на порядок больше. Причем у нижней границы, только по данным Росстата, причем явно заниженным, в настоящее время находится около 20 млн человек, которые относятся к категории бедных. Подобные сравнения демонстрируют, что есть объективные основания для отмечаемой в многочисленных опросах общественного мнения ностальгии по СССР. В то же время идеализация советского опыта препятствует выявлению глубинных причин кризиса советской системы и описанию объективной картины ее переходного периода и тем самым упрощает многоплановую проблему нереализованности системы социального государства в настоящее время. Кроме того, советский патернализм способствовал возникновению социального инфантилизма. Это сказалось негативным образом при переходе к рынку, когда необходимость противостоять наступлению на права трудящихся и разрушению институтов социальной поддержки возросла многократно.

Тем не менее, запрос общества на справедливое демократическое устройство остается чрезвычайно востребованным. Усиление кризисных явлений в отечественной экономике на фоне роста неопределенности в мировой экономике и расширения геополитических угроз в современной России

---

⁵⁰ Аганбегян А.Г. Советская экономика – взгляд в будущее. М.: Экономика. 1988.С. 240.

⁵¹ Там же. С. 241.

провоцирует угрозу социальных потрясений. Этим объясняется особая значимость императива реализации принципов социального государства, которые дают направление для смены тренда социально-экономического развития, осознание необходимости которого нарастает в обществе.

Заключение

В советский период модель государства всеобщего благосостояния в западных странах с позиций ортодоксального марксизма подвергалась критике как буржуазно-реформистская, которая маскирует социальные конфликты и вместе с тем не меняет эксплуататорской природы капитализма. В условиях общественно-политического дискурса о переходе к рынку отношение к этой модели резко изменилось: она стала восприниматься как образец общественного устройства, несмотря на существенные признаки кризиса этой модели на Западе, уже заметные к концу 80-х годов XX в. Это вполне объяснимо. На фоне катаклизмов периода краха СССР и девальвации советской модели любые варианты государства всеобщего благосостояния, от социал-демократических до либеральных, различия между которыми постепенно нивелировались, представлялись вполне привлекательными. И даже в усеченном виде модель социального государства, при том что она отошла от идеала «золотого века», могла быть востребованной с переходом к рынку в начале 90-х годов XX в. в постсоветской России. Однако практика рыночных реформ в России 90-х годов XX в., которая носила антисоциальную направленность, примитивизация экономических отношений и их сырьевая специализация, которые оказали влияние на все социальные процессы, не давали шансов для реализации принципов этой модели, не говоря уже о развитии теории социального государства.

В то же время модель социального государства на Западе в рамках идеологического мейнстрима – неолиберальной доктрины – для адаптации к условиям глобализации, формирующимся под воздействием доминирования финансового капитала, подверглась ревизии, что еще больше способствует кризису этой модели, о чем свидетельствуют все больше исследований. Основными характеристиками этого кризиса являются отход от базовых принципов «благосостояния для всех» – прежде всего от принципа универсализма с переходом к политике на основе принципа адресности – и в целом дискре-

дитация идеи социального государства как чрезмерно обременительной для общества и тормозящей рост экономики. Однако дело не в недостатке финансовых ресурсов, а в смене приоритетов. Баланс всего комплекса социально-экономических отношений между частными интересами и общественными сместился в сторону первых с соответствующим снижением регулирующей роли государства, чье вмешательство в социально-трудовые процессы считается препятствием для выравнивания рыночных диспропорций.

Неизбежно происходит усиление неравенства вплоть до поляризации, что снижает значение такого знакового принципа социального государства, как социальная солидарность, без которого не может быть соблюден баланс между экономической свободой и социальной справедливостью. Происходит процесс вымывания среднего класса при росте доходов наиболее богатых – наиболее ярко выраженный индикатор кризиса социального государства. Все это неизбежно разрушает тенденцию социализации экономики. Эта тенденция вписывается в глобальный контекст социально-экономического развития, при котором интересы глобального инвестора в повышении конкурентоспособности за счет понижения уровня реальной заработной платы и сокращения социальной нагрузки на бизнес доминируют над национальными интересами.

В отличие от стран Запада, в которых институты социального государства обладают определенной устойчивостью к кризисным явлениям, в современной России социальное положение широких слоев населения оказалось намного серьезнее, хотя у них все еще сохраняются патерналистские ожидания. В настоящее время заявления российского руководства о сохранении высокого уровня социальных стандартов даже в условиях санкций вступают в противоречие с реальной действительностью и явно носят декларативный характер. Поскольку у населения при падении реальных доходов вследствие урезания зарплат и высокой инфляции нет достаточных ресурсов для социально приемлемого жизненного уровня, социальный протест в той или иной

форме неизбежен, что может привести к неконтролируемым последствиям, несущим угрозу социально-политической стабильности.

В данной связи практическая реализация идеи социального государства, начиная с комплексного плана социальной помощи населению в условиях кризиса, становится чрезвычайно актуальной. Ориентируясь исключительно на интересы крупного бизнеса, российское руководство рискует потерять завоеванное в последние годы доверие большинства населения, которое основано на позитивных ожиданиях перехода от коррумпированного государства к социальному. Если в позднесоветский период дискурс о роли государства преимущественно в экономике исходил из противопоставления позиций (больше или меньше государства, государство – «ночной сторож» или активный субъект экономических процессов), то в настоящее время неизбежно должны ставиться вопросы о качественных характеристиках самого государства, прежде всего в отношении его социальных функций, причем на уровне лучших мировых достижений, включая собственный опыт периода наивысшего расцвета СССР. Для этого необходимо выработать государственную систему социальных приоритетов, чтобы и денежно-кредитная и бюджетная политика были непосредственно ориентированы на социальную политику, а не наоборот.

Литература

- Аганбегян А.Г.* (1988). Советская экономика – взгляд в будущее. М.: Экономика.
- Александрова О.А.* (2009). Институциональные проблемы становления социального государства в современной России. М.: М-Студио.
- Ананьева Е.В.* (2012). «Midterm blues» или маятник пришел в движение? // *Международная жизнь.* № 5.
- Бек У.* (2000). Общество риска. На пути к другому модерну. М.
- Бизнес предлагает срезать зарплаты в госкомпаниях и госкорпорациях. Российская газета 17 июля 2012 г. № 5834 <http://rg.ru/2012/07/16/zarpalati-site.html>.
- Виноградов В.А., Веселовский С.Я.* (1998). Приватизация в глобальном контексте. М.: ИНИОН.
- Волкер А.* (2008). Принципы и развитие европейской социальной модели: минимальные стандарты или социальное качество // *Мир перемен.* № 1.
- Гайдар Е.* (1995). Государство и эволюция. М.: Евразия.
- Гринберг Р.С.* (2014). Свобода и справедливость должны не исключать, а дополнять друг друга / *Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса* / Под ред. А.В. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М.И. Воейкова. М.
- Григорьева И.А.* (2012). Развитие теоретических подходов к социальной политике в 1990–2000-х годах. *Общественные науки и современность.* № 3.
- Даудерштедт М.* (2014). Немецкая модель: от конкурентоспособности к социальному росту / *Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса* / Под ред. А.В. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М.И. Воейкова. М.
- Декларация «Построение нашего общего будущего: возобновление коллективных действий для всеобщего блага». Каннский саммит 3—4 ноября 2011 года (Франция).

Доклад о социальной защите в мире 2014/15: Обеспечить экономическое восстановление, инклюзивное развитие и социальную справедливость. Department of Communication and Public Information. International Labour Organization

Доклад «Заработная плата в мире в 2014–2015 гг.»: Заработная плата и неравенство доходов / ГТПДТ и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М.: МОТ, 2015.

Долматова С.А. (2009). Как устойчивый рост подменил жизнеспособное развитие // *Международная жизнь*. № 2–3.

Долматова С.А. (2016). Императив реализации принципов социального государства и проблемы системной коррупции в постсанкционной России // *Мир перемен*. № 2.

Каргалова М.В. Егорова Е.Н. (2010). Социальное измерение европейской интеграции. М.: Изд-во «Аксиом».

Мау В. (2013). Россия на пути к новой модели социального государства // *Вестник Европы*. № 36.

Московский экономический форум. Итоги рыночных реформ «без гнева и пристрастия» // *Мир перемен*. 2016. № 2.

Никитин С. (2007). Личные доходы населения (На примере развитых стран) // *МЭ и МО*. № 2.

Новая философская энциклопедия: В 4 т./ Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин. М.: Мысль. 2010. Т.3.

Основы противодействия коррупции / Под ред. С.В. Максимова, М., 2000.

Очкина А. (2014). Новое социальное государство как модель посткризисного развития. *Логос*. № 2 [98].

Полтерович В.М. (2012). Приватизация и рациональная структура собственности. М.: Институт экономики РАН.

Российская газета 17 июля 2012 г. № 5834 <http://rg.ru/2012/07/16/zarpalati-site.html>;

<http://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=4549>;

<http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3292737>;

<http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2016/11/20/666204-pyatsot-pochtalonov>;

<http://www.norden.org/en/theme/former-themes/theme-20>.

Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб. / Росстат. М., 2015.

Соболева И.В. (2007). Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука.

Социальная Европа в XXI веке. Часть II. Европейская социальная модель: единство в многообразии / Под ред. М.В. Каргаловой (отв. ред.) и др. М.: Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2009.

Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2001.

Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2014.

Федотова В.Г. (2015). Капитализм, глобализация и социальное государство. Вестник ВГУ. Серия: Философия.

Шевяков А.Ю. (2008). Эффекты социальной политики в разрезе отдельных групп населения Россия: путь к социальному государству// Россия: путь к социальному государству. М.: Научный эксперт.

Эспинг-Андерсен Г. (2008). Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. Выпуск № 2. Т. 6.

Эрхард Л. (1991). Благосостояние для всех. М.

Esping-Andersen C. (1990). The Three Worlds of Welfare Capitalism / C. Esping-Andersen. – Princeton : Princeton University Press.

The Nordic model – challenged but capable of reform Tarmo Valkonen and Vesa Vihriälä (eds.)

Pierson C. (2006). Beyond the Welfare State? The New Political Economy of Welfare. Cambridge: Polity Press.

Veit-Wilson J. (2000). States of Welfare: A Conceptual Challenge. Social Policy & Administration. Vol. 34, No. 1.

Wilensky H. (1975). The Welfare State and Equality. Berkeley: University of California Press.

Научный доклад

Долматова С.А.

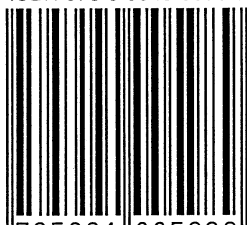
**КРИЗИС СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА:
ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Подписано в печать 22.05. 2017.
Заказ № 14. Тираж 40 экз. Объем 2,2 уч.-изд. л.
Редактор *Полякова А.В.*
Компьютерная верстка *Борщева И.В.*
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0598-9

9 785994 005989